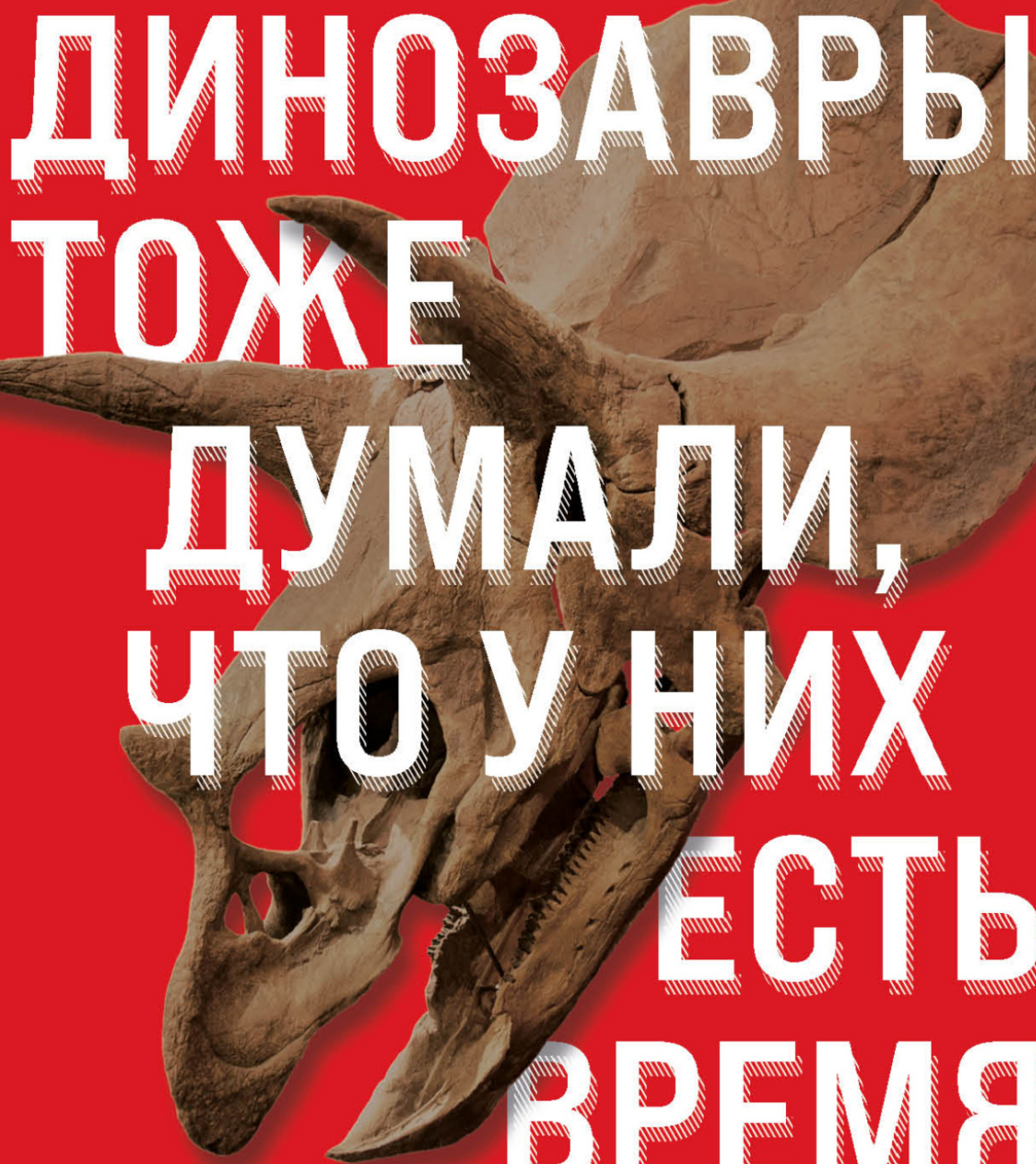


Марк О'Коннелл

лауреат книжной премии Wellcome и премии Руни



ДИНОЗАВРЫ  
ТОЖЕ  
ДУМАЛИ,  
ЧТО У НИХ  
ЕСТЬ  
ВРЕМЯ

Почему люди в XXI веке стали  
одержимы идеей апокалипсиса



БОМБОРА

Странный, но Нормальный. Книги  
о людях, живущих по соседству

Марк О'Коннелл

**Динозавры тоже думали, что  
у них есть время. Почему  
люди в XXI веке стали  
одержимы идеей апокалипсиса**

«ЭКСМО»

2020

УДК 159.9  
ББК 88.5

## **О’Коннелл М.**

Динозавры тоже думали, что у них есть время. Почему люди в XXI веке стали одержимы идеей апокалипсиса / М. О’Коннелл — «Эксмо», 2020 — (Странный, но Нормальный. Книги о людях, живущих по соседству)

ISBN 978-5-04-177100-3

Оказавшись во власти символов и предзнаменований конца света, ирландский журналист Марк О’Коннелл отправляется в путешествие, чтобы узнать, как люди по всему миру готовятся к апокалипсису, и понять истоки их экзистенциальной тревоги. Он знакомится с образом мыслей выживальщиков и исследует содержимое их «тревожных чемоданчиков». Изучает сценарии конца света и ищет места куда от него можно спрятаться. Знакомится с владельцем сети бункеров «X-point» и посещает лекцию о колонизации Марса. И отправляется в Чернобыль, чтобы увидеть, как может выглядеть мир после апокалипсиса. Путешествие Марка помогает по-новому взглянуть на окружающую действительность и задуматься о своем месте в мире. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги. Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! В PDF-приложении или в конце книги вы найдете секретный промокод на скидку 40%

УДК 159.9  
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-177100-3

© О'Коннелл М., 2020

© Эксмо, 2020

## Содержание

1	7
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# Марк О'Коннелл

## Динозавры тоже думали, что у них есть время: почему люди в XXI веке стали одержимы идеей апокалипсиса

Mark O'Connell

NOTES FROM AN APOCALYPSE: a personal journey to the end of the world and back

Copyright © 2020 by Mark O'Connell

© Евгения Цветкова, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается Эми, Майку и Жозефине*

*Взрослые постоянно говорят: «Мы должны дать молодым надежду». Но мне не нужна ваша надежда. Я не хочу, чтобы вы надеялись. Я хочу, чтобы вы паниковали. Я хочу, чтобы вы почувствовали тот страх, что я испытываю каждый день. А потом я хочу, чтобы вы действовали. Я хочу, чтобы вы действовали так, как действовали бы в критической ситуации. Я хочу, чтобы вы вели себя так, будто ваш дом горит. Потому что так оно и есть.*

*Грета Тунберг*

*Наши времена – совершенно обычные времена. Это всего лишь один из срезов жизни. Кто думает об этом? И кто способен это осознать?*

*Энни Диллард*

# 1

## Тревоги и печали

Это был конец света, а я сидел на диване и смотрел с сыном мультики. Было уже далеко за полдень, и он, устроившись у меня на коленях, смотрел, как маленькая русская крестьянская девчушка постоянно влипала в комические передраги со своим многострадальным другом-медведем. Я же, держа телефон над его головой, читал сообщения в Twitter. С медведем и девчушкой происходили какие-то дурацкие приключения на рыбалке, медведь при этом постоянно спотыкался и падал, а мой сын радостно хихикал, периодически поворачивая голову ко мне. Ему важно было знать, что я слежу за событиями, происходящими на экране.

Я же был поглощен экраном собственного телефона, так как наткнулся на встроенное в ленту Twitter видео с YouTube. Оно было помечено как «пронзительное» и «душераздирающее», и я без колебаний кликнул.

Пока мой сын смотрел свой мультфильм, я, держа телефон так, чтобы он не видел экрана, наблюдал за тем, как истощенный белый медведь тащится по каменистой местности. Вдруг у него подкосились лапы, и он попытался подняться снова. Животное тащило свою мохнатую тушу вперед к горе ржавых металлических бочек, наполовину заполненных мусором, из которых ему в конце концов удалось вытащить что-то похожее на сырую кость, практически полностью лишенную мяса. Медведь был жалок: из-за недоедания он был тощим и больше походил на гигантского горноста или ласку. Он медленно жевал то, что ему удалось раздобыть среди мусора, глаза его были полузакрыты от глубокой, смертельной усталости, белая слюна медленно стекала из его пасти, а за кадром звучало медленное и печальное глиссандо виолончели.

Я отключил звук на телефоне, чтобы не привлекать внимания сына и не вызывать неизбежного потока вопросов. Ему тогда было три года, и наши взаимоотношения в те дни постоянно принимали форму бесконечного допроса.

Текст в нижней части экрана пояснял, что кадры были сняты вблизи заброшенной деревни инуитов<sup>1</sup> в северной части канадской тундры, куда медведь забрел в поисках пищи. Популяция тюленей, его обычный источник пищи, резко сократилась вследствие изменений климата.

Моя душа осталась в целости, и я бы не сказал, что меня что-то «пронзило». Вместо этого я ощутил отвращение к самому видео, к манере его подачи – к этой слезливой музыке, к величавому темпу монтажа. Казалось, что все это должно было вызвать во мне признание собственного вклада в эту ужасную ситуацию вкупе с благонаправленным и, возможно, даже искупительным приливом печали. Благородной печали по поводу экологического разрушения, в котором я сам играл определенную роль. Тогда мне пришло в голову, что отвращение, которое я испытывал, было признаком своего рода моральной дезориентации из-за того, что сама технология, позволившая мне стать свидетелем патетических страданий этого истощенного животного, сама в своей сути и прежде всего была причиной его страданий. Различные редкоземельные минералы, добываемые для комплектующих моего телефона в местах, названия которых мне никогда не выучить; энергия, потребляемая в процессе его производства, его доставка через полмира, его ежедневная зарядка электрическим током – ради всего этого и ради меня медведь голодал и тащил свою тушу по каменистой земле.

Фарсовые ужимки и прыжки мультяшного медведя на экране телевизора, за которыми следил мой сын, а над его головой, на маленьком экране – ужасное страдание настоящего мед-

---

<sup>1</sup> Инуиты – этническая группа коренных народов Северной Америки, обитающая приблизительно на 1/3 северных территорий Канады, от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи. (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

ведя. Абсурдность одновременной демонстрации этих образов, вызванных из эфира и соперничающих за внимание, породила странный эмоциональный заряд, волну стыда и печали по поводу того мира, в котором вынужден будет жить мой сын. Стыда и печали, которые я, в свою очередь, передам и ему.

Мне казалось, что я стою перед неразрешимой проблемой: проблемой примирения образов на этих двух экранах или, скорее, примирения своей жизни с фактом непримиримости этих образов. Медведи в мире моего сына дружили с детьми, участвовали в приключениях, жили в хижинах, попадали в комические передраги и в конце концов добивались успеха. Медведи в моем мире рылись в мусорных баках и умирали от голода. Я хотел, чтобы он жил в первом, в хорошем мире как можно дольше, но я знал, что скоро ему придется покинуть его и жить в будущем. И мне было непонятно, как человеку целенаправленно, осмысленно жить и работать, воспитывать своих детей в пугающей тени этого будущего.

В те дни немного потребовалось, чтобы отправить меня к концу света. Тогда мне часто представлялась возможность потешить свою склонность к эсхатологии<sup>2</sup>. Мультфильмы, вирусные ролики, сводки новостей по радио, разговоры с соседями о том, что в феврале никогда не было так тепло. Слишком многое ощущалось как флешбэки из завязки постапокалиптического фильма – как будто мы жили как раз перед началом событий основной временной шкалы. Я знал, что подобное мышление столь же старо, как сама наша цивилизация, что апокалиптические настроения с незапамятных времен были ответом на быстрые перемены и неопределенность. Но понимание ситуации не делало ее менее гнетущей, а конец света – менее реальным.

Что я почувствовал, когда подумал о своем сыне и его будущем? Меня охватила какая-то неясная, но всепоглощающая меланхолия. Любовь к нему вдруг стала казаться неразрешимой моральной проблемой. Хотя апокалипсис как таковой еще не стоял на повестке дня, я чувствовал, что у меня как у родителя есть некий моральный долг. И он отнюдь не заключался в том, чтобы обольщаться по поводу будущего и отводить взгляд от горизонта. Этот долг я не исполнял.

Сценарии, по которым мы живем, наихудшие. Кажется, что мир, который мы унаследовали, истощен и обречен на абсолютное и окончательное разрушение. Фашисты на улицах и во дворцах. Погода сошла с ума, стала непредсказуемой и враждебной. Богатство и власть при номинальных демократиях все больше сосредоточиваются в руках меньшинства. Меньшинства безголового. В то время как для все большего числа людей жизнь становится лишь тяжелее. Послевоенный порядок, старые альянсы в последнее время трещат по швам. Тщательно продуманные декорации мировой политики, ее гостинные и люстры демонтируют и складывают за кулисами, выставляя на обозрение грубую машину капитала. Остается лишь одна высшая истина – фикция денег. Мы по горло увязли в прогнивших фактах. Для тех, кто хочет их читать, и для тех, кто не хочет, повсюду разбросаны загадочные, но неотвратимые знаки апокалипсиса.

Каждое окно браузера как очередное предзнаменование конца. Подробный доклад ООН о том, что один миллион видов находится под угрозой неминуемого исчезновения. Изображение водопада в Арктике, низвергающегося с тающего ледника. Распространение заболеваний, устойчивых к антибиотикам. И все это подчинено единому уравнивающему эффекту онлайн-подачи любой информации.

Прислушайтесь. Настройте ваш слух на восприятие общего диссонанса, и вы услышите треск шапок ледников, плеск воды, уровень которой все прибывает, зловещий шепот близкого будущего. Разве это не ужасное время для того, чтобы иметь детей и, в конце концов, быть живым?

---

<sup>2</sup> Эсхатология (от *греч.* *eschatos* – последний, конечный и *logos* – слово, учение) – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

Это вопрос отнюдь не риторический. Я сам утюжу его взад и вперед как одержимый, беспомощно убеждая себя принять тот или иной вариант ответа. И если сейчас ужасное время для того, чтобы жить и иметь детей, спросите себя, когда время для этого было подходящим.

Иметь детей – это самая естественная вещь в мире и в то же время одна из самых морально непростых. Я бесцельно и очень болезненно был поглощен вопросом о том, является ли тяжелой этической ошибкой рождение детей с пониманием того, что, по всей вероятности, ждет нас впереди. В конце концов, последнее, что нужно этому миру, – это больше людей в нем, и последнее, что нужно любому пока не существующему человеку, – появление в этом мире. Конечно, мне было немного поздно всерьез рассуждать о столь фундаментальных вопросах, дело было уже сделано и сделано на совесть, но, с другой стороны, именно «опоздание» привело к тому, что все эти вопросы оказались в центре моего внимания.

Первое, что нужно сказать по поводу бытия родителем, стали вы им осознанно или по воле случая, – это одно из очень немногих событий в жизни, которое полностью необратимо. Как только вы, экзистенциально говоря, вступаете «в игру» – вы «в игре». Поэтому самый насущный и, по сути, единственный вопрос в мире с темным и неопределенным будущим – это вопрос: как действовать дальше? Как мы должны жить с пониманием того, что наш вид, наша цивилизация, возможно, уже обречены?

Может, нам просто игнорировать конец света?

Задавая этот вопрос, я вовсе не иронизирую: лично я готов признать, что ответ, то есть отсутствие такового вообще, вполне может быть самым здравым в нынешней ситуации. Это, конечно, самый простой ответ, а потому и самый заманчивый. Проблема нашей цивилизации, которая, признаться, полностью созвучна моей проблеме как писателя и в некоторой, надеюсь, ограниченной степени созвучна вашей проблеме как читателя, – в скуке.

Давайте будем честны: апокалипсис жутко скучен. Для меня, например, конец света бесконечно невесел. И меня уже тошнит от изменения климата. Можно ли одновременно бояться и скучать? Реально ли скучать от ужаса – если не от того буквального ужаса, который практически никогда не испытывают люди вроде меня, то, по крайней мере, от абстрактного ужаса, который, как усыпляющий газ, испускает вся тема экологической катастрофы?

Угроза ядерной войны, которая довлела над нами большую часть двадцатого века, по крайней мере, позволяла сосредоточиться. Признайте, что ядерная война при всех ее значительных недостатках была чем-то захватывающим. Она подчинялась определенным правилам и условностям. Были и глобальная паника, и гарантии взаимного уничтожения, теория игр, грибовидные облака, тотальная и мгновенная аннигиляция. Был сюжет, и была драма. И что еще важнее, были действующие лица: главные герои и их антагонисты, парни с пальцами на кнопках, которые либо нажимали, либо не нажимали. И когда дело дошло до уличных протестов, призывавших к полному ядерному разоружению, было вполне рациональное и достижимое требование. Какой бы неотвратимой эта война ни казалась довольно длительное время, на самом деле никто не хотел ядерной войны. Все понимали, что это был бы акт безумия, моральный гротеск – вбивать коды, запускать боеголовки, чтобы вызвать мгновенные массовые уничтожения невиданного масштаба.

Важно то, что мы не были среди главных героев и их антагонистов. Мы не собирались набирать на клавиатуре коды запуска. Мы были сторонними наблюдателями, которые периодически съеживались от ужаса, иногда, возможно, брали в руки какой-то плакат и что-то скандировали, если об этом просили. Мы не хотели в могилу, но знали, что если мы все же туда загремим, то сделаем это более или менее пассивно, более или менее без ощущения чувства вины.

«Когда-то люди видели в апокалипсисе непостижимую карающую руку Бога, – писал немецкий писатель Ганс Магнус Энценбергер<sup>3</sup> в своем эссе конца 1970-х годов. – Сегодня он предстает перед нами как скрупулезно просчитанный продукт наших собственных действий. Апокалипсис, – пишет он, – когда-то представлял собой исключительное событие, которое должно было наступить внезапно, прийти без предупреждения, как гром среди ясного неба: непостижимый момент, который предвидели только провидцы и пророки, – но, разумеется, никто не хотел слушать их предупреждения и предсказания. В наше время о конце света вещают, кажется, из каждого утюга, лишая его элемента неожиданности; кажется, это только вопрос времени. Страшный суд, который мы себе рисуем, подкрадывается исподволь, действует исподтишка и мучительно медленен в своем приближении – апокалипсис в замедленной съемке».

Замедленность – нечто новое в истории. Апокалипсис, как религиозный, так и светский, всегда рисовался как ослепительная вспышка, внезапное вмешательство божественного или технологического порядка.

В настоящее время нет никакого мифологического шаблона, который помог бы нам понять нынешнюю мутировавшую форму конца времен. Мы не знаем, как думать о нем, как придать

ему хоть какое-то обличье мифа или истории. И потому мы имеем лишь метастазы наших представлений о грядущем конце света, которые распространяются в культуре подобно болезни крови. Медленный и коварный гибельный рок, на который указал Энценбергер, принимает множество форм, проникает в самые неожиданные места. Нет единой причины, нет единого очага, откуда мы могли бы ждать апокалиптическую беду. Всадники<sup>4</sup> повсюду и все время.

В этой правде скрыт еще более глубокий смысл: я не знаю, как бы я поступил. Я хочу, чтобы в моем унитазе был смыв. Хочу, чтобы у меня был музыкальный стриминг. Я хочу покупать то, что хочу покупать, есть то, что хочу есть, идти туда, куда хочу идти. Хочу иметь возможность покинуть свой крошечный остров в Северной Атлантике, когда мне это нужно или когда просто хочется. И если белые медведи будут умирать от голода из-за разрушения их среды обитания, я хочу смотреть на YouTube огорчающие меня до глубины души видео об этом.

Позже вы увидите, что эта книга о нашем апокалиптическом времени полна интервью, посвященных путешествиям в самые различные места – Украину, Калифорнию и Южную Дакоту, Новую Зеландию и в высокогорья Шотландии, – и эти путешествия я совершал не пешком, не под парусом и не на поезде. Дальше вы узнаете, что, когда я ездил по разным странам в поисках материала для этой книги, я посетил и многие другие места, чтобы говорить о своей предыдущей книге. След, оставленный мною, так же широк, глубок и неизгладим, как и моя вина.

Мои дни – это шествие последних времен и снятых печатей<sup>5</sup>. Я сам тот апокалипсис, о котором повествую. Таково провозвестие этой книги.

---

<sup>3</sup> Ганс Магнус Энценбергер – немецкий поэт, писатель, детский писатель, драматург, эссеист, переводчик, издатель и общественный деятель левого толка.

<sup>4</sup> Всадники – имеются в виду всадники Апокалипсиса – библейские персонажи, олицетворяющие катастрофы и катаклизмы, предваряющие события второго пришествия и Страшного суда. Описываются в шестой главе Откровения Иоанна Богослова.

<sup>5</sup> Печати – «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями» (Отк. 5:1). Откровение Иоанна Богослова, глава 6: в ней происходит снятие первых шести печатей. Христос, будучи единственным во всем мире, кто достоин и способен сделать это, берет книгу из руки Сидящего на престоле, то есть Бога Отца, и снимает с нее печати. Толкования образа запечатанной книги различны.

Истоки моей одержимости этой темой глубоко захоронены вместе с затопленной цивилизацией детства. Одно из моих самых ранних воспоминаний относится к концу света. Я был на кухне бабушкиного дома. Бабушка стояла у плиты, а я сидел за столом с дядей, который объяснял мне, что случится, если Соединенные Штаты и Россия решат обменяться ядерными ударами. Не могу назвать причину выбора этой темы для нашего разговора, но то была середина восьмидесятых, и ветерок «холодной войны» все еще витал в воздухе. В любом случае это было вполне в его духе. Мне было лет пять, может, шесть.

Из вазы с фруктами, стоявшей в центре стола, он выбрал сначала три яблока, а затем два маленьких мандарина. Яблоки он разложил на столе с равными промежутками, а мандарины аккуратно поставил на крайние яблоки, не тронув среднее.

– Яблоко слева, – сказал он, – это Соединенные Штаты, а яблоко справа – Россия. Яблоко посередине – это Ирландия, где находимся мы.

Он объяснил, что Ирландия примерно между Соединенными Штатами и Советским Союзом, гигантскими странами, о которых можно сказать главное: они презируют друг друга по причинам, слишком сложным, чтобы вникать в них ребенку, и они обе до зубов вооружены ядерными ракетами – бомбами настолько мощными, что они способны в считанные мгновения уничтожить целые страны. Мандарины выступали в роли ядерных бомб.

– Допустим, русские решили запустить по американцам ракету, – сказал он. – Пуск ракеты быстро засекут американские системы раннего обнаружения, и американцы тут же запустят в ответ свою ракету. – Он схватил мандарины со сверхдержавных яблок и подбросил их навстречу друг другу над столом. – А поскольку Ирландия расположена как раз между Россией и Соединенными Штатами, – сказал он, – ракеты столкнутся прямо над нашими головами.

Тогда, размазав друг о друга два мандарина над средним яблоком, он с мрачным удовлетворением сказал:

– Спокойной ночи, Ирэн!

Я не помню своего впечатления от этого спектакля. Но то, что я рассказываю вам о нем сейчас, более тридцати лет спустя, в контексте книги об апокалипсисе, свидетельствует о наличии отпечатка в глубинах моей психики. Как ни странно, это никогда не мешало мне наслаждаться мандаринами.

Творивший в пятом веке Блаженный Августин<sup>6</sup> заметил, что за три столетия до него самые ранние последователи Христа, охваченные апокалиптическим пылом, считали, что живут в «последние дни» творения.

«И если тогда были “последние дни”, – писал он, – то тем более теперь!»

Рассуждая на эту тему, я скажу, что, по сути, у нас всегда конец света. Вся наша цивилизация – от Рагнарёка<sup>7</sup> и Откровения<sup>8</sup> до «Дороги»<sup>9</sup> – покоится на фундаменте потопа и огня. Но что если теперь это *особенно* конец света, то есть *еще больший конец* света: реальный, всамделишный и самый конечный конец (или что-то очень близкое к тому)? Тогда что же подразумевать под концом света? Потому что, по правде говоря, разве сама эта идея не абсурдна?

Как может мир просто кончиться? Мир – это не бизнес, который можно свернуть, не собственность, на которую можно наложить арест в одночасье.

---

<sup>6</sup> Блаженный Августин (354–430 гг. н. э.) – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский, один из Отцов христианской церкви.

<sup>7</sup> Рагнарёк (Рагнарок) (*др. – сканд.* Ragnarök, Ragnarokkr – букв. «Судьба богов», «Сумерки богов») – в германо-скандинавской мифологии – гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами.

<sup>8</sup> Откровение – *зд.* Откровение Иоанна Богослова, также известное как «Апокалипсис». Название последней книги Нового Завета в Библии.

<sup>9</sup> «Дорога» – впечатляющая постапокалиптическая драма 2009 г., в которой рассказана история отца и сына, пытающихся выжить на Земле после страшных катаклизмов, когда почти все живое уничтожено, а люди поедают друг друга. Экранизация романа Кормака Маккарти.

Глобальная ядерная война, правда, теоретически могла бы уничтожить всю органическую жизнь на планете, но на момент написания книги это кажется весьма маловероятным.

Что же касается изменений климата, то только на самом отдаленном краю спектра можно провидеть совершенную черноту возможной тотальной аннигиляции. Нет, говоря о том, что же подразумевается под концом света, мы вступаем на территорию кошмаров и трагических событий, едва уловимых, проявляющих себя как бы между прочим. То, о чем мы говорим, – это коллапс систем, которыми оперирует известный нам мир: сначала постепенный, а затем тотальный и одновременный.

Сейчас принято говорить о *надвигающихся* последствиях изменения климата, о *надвигающейся* катастрофе. Мы живем во времена *надвигающегося* неминуемого и неотвратимого. Цивилизация находится под властью чар целого набора тревожных *надвигающихся* явлений – безусловно, это надвигающаяся климатическая катастрофа, но также и надвигающийся правый популизм<sup>10</sup>, а также надвигающийся призрак кризиса занятости вследствие повсеместной автоматизации во многих секторах экономики.

Увидеть знаки, символы и знамения нашего времени достаточно просто. В Google перейдите к функции Ngram – графическому приложению, которое определяет появление за определенный период времени определенного слова или фразы в более чем тридцати миллионах томов, которые были отсканированы Google в рамках программы по оцифровке мировых книг. В поисковой строке этого приложения введите фразу «*надвигающийся кризис*» (*looming crisis*), и вы увидите синюю линию, которая демонстрирует использование термина между 1800 и 2008 годами. Вы точно обратите внимание, что после незначительных подъемов в годы Первой и Второй мировых войн кривая начинает медленно расти в первые годы «холодной войны», а затем взлетает и растет на протяжении 80-х, 90-х и 2000-х годов с головокружительной скоростью и постоянством, становясь таким Маттерхорном<sup>11</sup> тревог цивилизации. Сам график выглядит как надвигающийся кризис, линия растущего ужаса.

Что бы мы ни имели в виду под «концом», не находимся ли мы в начале этого конца? Разве *надвигающийся* кризис уже не уступил место самому кризису?

Все сказанное – не только некое общекультурное наблюдение, но и личная рефлексия. Чувство надвигающегося кризиса было одним из тех, которые я остро ощущал в течение всего времени, о котором пишу в этой книге. Признаться, это была череда очень плохих дней: я не мог чихнуть, не расценив это как знак конца времен. Я был одержим будущим настолько, что мне было трудно представить себе существование хоть какого-либо будущего. Личные, профессиональные и политические тревоги слились во всепоглощающее предчувствие неминуемой катастрофы. Может, и можно сказать, что это была депрессия – и тогда я действительно часто называл свое состояние так, – однако оно характеризовалось отнюдь не закрытостью от мира, а чрезмерной открытостью ему. Действовал некий контур обратной связи: я воспринимал хаос мира и в нем видел отражение собственных субъективных состояний, при этом восприятие одного, казалось, усиливало переживание другого. Все, что имело для меня хоть какое-то значение, будто бы балансировало на грани полного краха: мой разум, моя жизнь, весь мир.

Если выразиться о том времени еще более неліцеприятно, то можно сказать, что моя журналистская объективность, эта априори хрупкая конструкция, уже не выдерживала напряжения.

---

<sup>10</sup> Правый популизм – также называемый национал-популизмом и правым национализмом, представляет собой политическую идеологию, сочетающую в себе политику правого толка, популистскую риторику и темы. Риторика часто включает в себя антиэлитарные настроения и обращение к «простым людям».

<sup>11</sup> Маттерхорн – вершина в Пеннинских Альпах на границе Швейцарии и Италии. Высота вершины составляет 4478 метров над уровнем моря. Маттерхорн имеет примечательную четырехгранную пирамидальную форму с гранями, обращенными по сторонам света.

В те времена, едва только начинал брезжить жалкий рассвет, я просыпался от кошмара: властный стук в нашу парадную дверь, бледные руки, нырнувшие в почтовую щель в двери, ощупывающие воздух, которым мы дышали, моя маленькая семья и я в нашем маленьком домике. Цепкие пальцы были не худшей частью сна. Самым неприятным во сне был я, стоящий на коленях, рычащий и лающий до хрипоты в надежде, что меня примут за большую агрессивную собаку.

Мой психотерапевт посоветовала мне временно ограничить себя в новостях.

– Вам не нужно читать всю статью, – сказала она. – Достаточно просто взглянуть на заголовков.

Хотя я согласился с ее предложением, но именно заголовки были главной причиной моего расстройства.

В те времена информация апокалиптической силы постоянно доставлялась на экран блокировки моего телефона. Это был конец 2016 года, зима провального года, и практически ежечасная вибрация в кармане была чем-то вроде посттравматического сигнала, подготовкой к новому аду, в который я собирался заглянуть. Я стал думать о своем телефоне как об эсхатологическом передатчике, моем стриминговом сервисе последних времен.

Конец света придет не с грохотом и завыванием. Он придет push-уведомлением – жужжанием, которое я даже не буду уверен, что слышал, но решу все равно проверить, гадая, что же в нем может быть.

Моя жена – человек непостижимой жизнестойкости и практической мудрости, для которого состояния паники и эпохального отчаяния абсолютно чужды, – посоветовала мне оставить свои апокалиптические навязчивые идеи за дверью. Вибрации радиоволн и событий там, в мире, и без того не радовали, не хватало еще их тащить в дом. Я не был Иоанном Патмосским<sup>12</sup>, а наш дом не был пещерой островного изгнанника: это был дом, и люди пытались в нем жить.

Мой психотерапевт, еще один мудрый и приземленный человек, как-то высказала мысль, к которой я прислушался. Она отметила, что не хотела бы, чтобы я воспринял ее замечание как установку, но многие люди, испытывая ту же тревогу, что и я, с головой погружались в работу.

И хоть она подчеркнула, что ее мысль – не руководство к действию, я воспринял ее комментарий именно так. Эта книга как раз и есть результат той работы, в которую я погрузился. Быть писателем – это и привилегия, и проклятие, поскольку уход автора в работу зачастую означает более глубокое погружение в те самые тревоги и навязчивые идеи, которых другие люди стараются избежать, бросаясь с головой в дела. Нет, эта книга не начиналась как некое терапевтическое упражнение, но она также не была следствием рационального желания исследовать именно эту тему. Правда в том, что она возникла в результате гораздо более странной и изощренной мотивации. Меня тревожил апокалиптический настрой нашего времени, это правда, но я был также *заинтригован*. Без сомнения, то были темные дни, но они были интересными: дико, неудержимо интересными. Меня тянуло к тому, что пугало, к тому, что грозило разорвать все на куски, включая меня самого.

Размышляя о своей извращенной мотивации, я часто вспоминал рассказчика Джеймса Джойса в «Сестрах», который вспоминал, как в детстве его одновременно отталкивал и зачаровывал пожилой священник, парализованный и умирающий после инсульта. Каждую ночь герой рассказа тихо повторял про себя слово «паралич».

«Оно вызывало во мне ужас, – говорил он, – и в то же время я стремился приблизиться к нему и посмотреть вблизи на его смертоносную работу».

Я хотел приблизиться к идее апокалипсиса, увидеть свидетельства его смертоносной работы в настоящем: не в виде цифр или прогнозов, каким он сегодня рисуется нам, а, скорее,

---

<sup>12</sup> Иоанн Патмосский – он же Иоанн Богослов. Жил в изгнании на греческом острове Патмос.

в виде конкретных мест – ландшафтов, как реальных, так и воображаемых, где конец света был бы явен. Таким образом, эта книга в некотором смысле является результатом серии несколько странных паломничеств в те места, где тени будущего наиболее мрачно ложатся на настоящее.

*Паломничество.* Почему я настаиваю на использовании столь религиозного слова, в котором можно расслышать даже некоторое самовосхваление? Потому что в тех местах я искал просветление или назидание, а возможно, и утешение. Излишне говорить, что я нашел лишь следы этого, но, возможно, мудрость таится в самом поиске, а может, мне просто хочется в это верить. Все места, которые я посетил в течение года или около того, путешествуя ради книги, казались мне особенно значимыми, способными открыть что-то важное о странном и нервном времени, исторических днях, в которые меня угораздило жить.

И вот еще что: пилигрим – это тот, кто путешествует в поисках некоего земного проявления своей веры. Меня в те дни вела тревога – вера в неопределенность и темноту будущего. И именно на поиск проявлений этой тревоги я и отправился. Я хотел посмотреть в лицо страху будущего, увидеть, что можно извлечь из него, получить для жизни в настоящем.

Во что же я ввергнул себя и где именно приземлился? Все просто: я искал места, идеи, явления, которые, как мне казалось, несли в себе особый заряд тревожных энергий наших дней.

Первым из таких мест был мой собственный дом: за письменным столом, на диване, глядя в телефон, лежа в постели, я то и дело получал знаки и свидетельства разворачивающегося апокалипсиса. Субъективно говоря, апокалипсис начинается дома, вот почему эта книга начинается именно там с моего неразумного, ненасытного поглощения видеороликов на YouTube, посвященных подготовке к краху цивилизации. Довольно скоро интерес к защите себя и своей семьи от апокалипсиса привел меня в прерии Южной Дакоты, на бывший военный склад боеприпасов, преобразованный в «коммуну-убежище для выживания». В этой обширной сети бункеров могли укрыться после того или иного события катастрофического характера те, кто мог себе это позволить. Я побывал в Новой Зеландии, стране, удаленность и стабильность которой сделали ее излюбленным убежищем миллиардеров, ожидающих системного краха. Затем я отправился в Лос-Анджелес на конференцию по колонизации Марса, где обсуждалась идея о том, что нам нужна резервная планета, на которой человеческий вид мог бы пережить обреченную Землю. Для психологической подготовки я выбрал дикие места Шотландского нагорья, ретрит<sup>13</sup> и компанию людей, опустошенных двойным давлением колониализма и индустриализации, которые разделяли мои тревоги о будущем. И поскольку я хотел *увидеть*, как может выглядеть конец света, я отправился на Украину, в Чернобыльскую зону отчуждения. Во всех этих местах апокалипсис открывался мне в различных формах: культурной, политической, научной, личной.

Эта книга посвящена идее апокалипсиса, но она также о реальности тревоги о нем. В этом смысле все на этих страницах предстает как метафора психологического состояния. Все отражает внутренний кризис и усилия по его разрешению. Я вышел в мир, потому что меня интересовал мир, но он интересовал меня, потому что я был озабочен собой.

И последнее замечание: хотя может показаться, что эта книга о будущем, ее истинный фокус – настоящее. Я не предлагаю какого-либо видения будущего отчасти потому, что не претендую стать авторитетом. Но важнее всего, что будущее интересует меня только как объектив, через который я смотрю на наше время: его ужасы, странные невроты, лихорадку и жар. Живем ли мы в последние дни или нет, в любом случае, без всякого сомнения, поразительно то, что мы все еще живы.

---

<sup>13</sup> Ретрит (*от англ. retreat*) – уединение, удаление от общества, затвор. Английское слово, вошедшее в русский язык как международное обозначение времяпрепровождения, посвященного духовной практике.

## 2

### Подготовка

Пытаясь забыть, пролистывая свою ленту в Twitter и читая новости, я принялся бормотать себе под нос, полубессознательно отдав дань рассказчику из «Сестер» Джойса, слово «*коллапс*». В нем было какое-то темное очарование, в его повторении – суровое, океаническое успокоение. Оно звучало как некая извращенная мантра. Я много размышлял над идеей коллапса: какую форму он примет, каково это будет – пережить его. Я понимал, что тратить столько времени на подобные размышления не так-то полезно даже в контексте моей общей тревожности о судьбе мира.

Почти год моей домашней страницей в интернете была [r/collapse](#) – субреддит<sup>14</sup>, посвященный новостным ссылкам и дискуссиям, связанным с коллапсом цивилизации и смежными проблемами. Я открывал свой браузер, где меня ждала подборка самых различных знаков и предзнаменований – апокалиптических апокрифов. Черный снег, выпавший в Сибири. Новые штаммы бактерий, устойчивых к антибиотикам. Айсберг в два раза больше Нью-Йорка откололся от Антарктиды. Десять крупнейших городов, которые могут стать непригодными для жизни в течение восьмидесяти лет. И так далее и тому подобное.

Даже когда я не кликал по ссылкам – что случалось не так уже редко из простого опасения, что, прибавив в знании, я потеряю в душевном равновесии, – мое онлайн-существование было пронизано ощущением того, что конец времен уже у порога.

Без сомнения, было бы намного полезнее попытаться сделать что-то хорошее в этом мире, пусть даже небольшое, или направить свою энергию на достижение какой-то позитивной цели, но, похоже, я был скроен как-то не так. Отметая все разумные варианты, я направился в самую темноту.

Возможно, «направился» – не совсем правильное слово, поскольку оно подразумевает определенную степень решимости, как если бы я был кем-то вроде Керуака<sup>15</sup>, который собрал свою сумку и отправился навстречу вполне реальным приключениям. Точнее было бы сказать о блуждании, о дрейфе в темноту или даже о намеренном хождении по грани. Хотя, опять же, «намеренность» вводит в заблуждение, поскольку неизбежно создает впечатление, что у меня были вполне определенные цели, что едва ли более верно, чем наличие у меня решимости; и поэтому, возможно, было бы лучше вообще отказаться от всех этих «ходильно-двигательных» метафор и перейти непосредственно к банальной истине вопроса. Суть в том, что я проводил много времени в интернете, читая всякую всячину об апокалипсисе.

Моя одержимость поначалу питалась сенсационностью, выделяющей то или иное событие в тематике конца света. Какое-то время я проявлял неторопливый и более или менее абстрактный интерес к так называемому преппингу – подготовке к выживанию.

Насколько я мог судить, эта субкультура объединяла в основном белых американских мужчин, убежденных, что весь мир на грани общего системного краха, а потому одержимо вкладывающихся в подготовку к такому сценарию.

Все это существовало в довольно странном микрокосмосе: мифы о свободе и самостоятельности на грани реальности, чрезмерное выпячивание мужественности, что тем не менее не скрывало раблепного ужаса, ее и порождавшего, удручающе фетишистское отношение к

---

<sup>14</sup> Субреддит (или сабреддит) – Reddit – это платформа, которая позволяет любому человеку создавать и управлять своим сообществом, которое называется субреддит (sub-reddit).

<sup>15</sup> Керуак Джек (1922–1969) – американский писатель, поэт, важнейший представитель литературы бит-поколения.

потребительским товарам, ненависть и недоверие к чужакам. Зависая в режиме инкогнито на форумах, в блогах и группах социальных сетей у этих препперов<sup>16</sup>, читая их литературу и даже между делом слушая их подкасты, я пришел к выводу. Это движение являлось своеобразным истерическим симптомом Америки.

Я убил на YouTube огромное количество часов, которые никогда не вернуться ко мне, просматривая видео парней по имени Брэндон, Кайл и Брент. Они рассказывали своим зрителям о содержимом своих «тревожных чемоданчиков» и рюкзаков, набитых предметами, по их мнению, крайне необходимыми в пустыне или в любой ситуации, когда нужно будет позаботиться о себе.

Как правило, говорили о том, что худшие последствия таких катастроф, как ядерная война, массовые гражданские беспорядки, вирусные пандемии, падение метеоритов и т. д., ударят прежде всего по городской среде. Поэтому в ситуации SHTF<sup>17</sup> препперы призывали эвакуироваться, покинуть свой дом, «свалить», то есть отправиться в относительно безопасную дикую природу, подальше от людей. Предлагался также более предпочтительный, хотя и менее захватывающий вариант – «окопаться». Для этого нужно было «задраить люки» и обеспечить безопасность своего местоположения: по сути, сильно военизированная версия «не покидать своих домов» была более соразмерной моим собственным навыкам и темпераменту формой апокалиптической готовности.

Меня поразило, что все эти видео с «тревожными чемоданчиками» были сродни другому очень распространенному на YouTube явлению – haul-видео<sup>18</sup>, иначе – обзорам покупок.

Обычно молодая женщина выкладывает видеорезультаты своего недавнего похода по магазинам. Видео с сумками и рюкзаками выживания были своего рода апокалиптической вариацией этой демонстрации потребительских достижений. Чаще всего передо мной представляли охотничьи ножи, аптечки, налобные фонарики, запасные батарейки, многофункциональные инструменты, ломтики, маски для лица, компасы, свистки, кевларовые носки, термоодеяла, армейские снасти, мини-системы фильтрации воды, сухпайки с длительным сроком хранения, влажные салфетки, термосы, клейкая лента с камуфляжным рисунком, чайные свечи, ватные шарики, вазелин и высококачественные солнцезащитные очки.

Было у меня также еще одно, второстепенное наваждение, которое ручейком впадало в реку моей одержимости препперами и их потребительскими привычками – солнцезащитные очки особого стиля, которые носили эти люди. Чаще всего они предпочитали широкие очки, плотно прилежавшие к голове. Насколько я мог понять, такую модель выбирали представители групп правого толка. Кадры встреч альт-правых<sup>19</sup>, Twitter-аватары либертарианцев, изображения разъяренных краснолицых мужчин на митингах Трампа: во всех культурных артефактах я замечал эти очки чрезмерно изогнутой и овальной формы. Но если и существовала какая-то внутренняя связь между ношением очков марки Oakley и крайне реакционными взглядами – стойким неприятием роли государства в структуризации общества, убеждениями, что личная

---

<sup>16</sup> Препперы (*от англ.* *prepare* – готовиться и *to be prepared* – быть готовым) – сравнительно новый термин, которым в США называют людей, готовящихся к различным катастрофам. Преппинг – многосторонняя подготовка к выживанию во время событий катастрофического характера.

<sup>17</sup> Ситуация SHTF – английская аббревиатура, расшифровывается как *shit hits the fan* – «когда дерьмо попадает в вентилятор». В среде российских «выживальщиков» часто переводится как БП, или «Большой Пи\*\*\*ц».

<sup>18</sup> Haul-видео – популярный тренд среди блогеров. Это обзорные видео покупок. Бывают тематическими.

<sup>19</sup> Альт-правые (альтернативные правые) – слабо связанное между собой ультраправое движение, объединяющее самые различные группы. Термин не имеет четкого определения и используется по-разному различными группами и людьми. Движение появилось в США и наиболее распространено там же. В число альтернативных правых входят сторонники превосходства белых и белые националисты, неонацисты, неофашисты, неоконфедераты, отрицатели холокоста и другие ультраправые группы, также известные в США как «группы ненависти».

свобода означает свободу от налогов, что белые гетеросексуальные мужчины на самом деле последние жертвы санкционированной обществом дискриминации, то я, как ни старался, не смог придумать в связи с этим ни одной мало-мальски удовлетворительной теории, серьезной или легкомысленной.

Примерно в это же время я прочитал несколько практических руководств по подготовке к концу света. Мне и сейчас не до конца понятно, с каким подходом я их читал. Я не могу уверенно сказать, читал ли я их из абстрактного интереса к преппингу как к социокультурному феномену или же я искренне желал получить доступ к эзотерическому знанию о грядущем коллапсе и о том, как выторговать более выгодные условия, когда он в конце концов наступит. Моя неуверенность в своем отношении к этим книгам и тем страхам, которые они выражали, неожиданно усилилась, когда я наткнулся на руководство по постапокалиптическому выживанию своего тезки.

Название книги было довольно истерическим и оптимизированным под поисковые системы: «Бытовые лайфхаки для выживания! Руководство по выживанию для начинающих: Как пережить катастрофу с помощью простых приемов “сделай сам”». Даже с точки зрения снисходительных стандартов литературы для выживальщиков написана она была хуже некуда. Видно, писалась в крайней спешке – может, чтобы успеть до внезапного наступления самого апокалипсиса. Но тот факт, что ее автор носил точно такое же имя, как и я, нагонял сверхъестественности и жути, как будто книга должна была быть воспринята мною как предупреждение из будущего. (Этот Марк О'Коннелл также написал серию книг по интерпретации знаков и символов, что лишь усилило мысли о передаче мне через Amazon зашифрованных предзнаменований.)

Когда я увидел свое имя на обложке этой книги наравне с аккуратно расположенными жестянками, факелами, аптечками, рациями, свечами и бутылками с водой, мне показалось, что это вызвало непоправимый разрыв тонкой мембраны иронии, которая ранее отделяла эту тему от моих нервных окончаний.

Самое четкое представление об образе мыслей преппера я получил из книги под названием «Как пережить Конец Света: тактика, техника и технологии во времена неопределенности» (*How to Survive the End of the World as We Know It: Tactics, Techniques, and Technologies for Uncertain Times*). На обложке красовалось «Международный бестселлер», а его автора, бывшего офицера разведки армии США, интригующе звали Джеймсом Уэсли, Роулз. Запятая, как я выяснил на его сайте, стояла специально, как грань между христианским именем, которое он считал принадлежащим исключительно ему одному, и его фамилией (грамматическая двусмысленность заключалась в том, что я должен был принять на веру ввиду отсутствия доказательств обратного, что Роулзы разделяли общую фамилию, а не жен). Роулз был весьма заметной фигурой в движении препперов. Он вел популярный блог для выживальщиков, был автором серии спекулятивных антиутопических романов о постапокалиптическом выживании – при этом действие ряда из них, что не очень удивительно, происходило на фоне борьбы против всемирного халифата<sup>20</sup> – и основал движение, известное как «Американский редут». Его сторонники ратовали за переселение единомышленников из консервативных христиан и евреев (но, по-видимому, не мусульман) в малонаселенный регион северо-запада Соединенных Штатов, чтобы подготовиться к закату цивилизации.

Его книга «Как пережить...» изображала Америку на грани краха, в которой доступ к продовольствию подавляющего большинства населения зависел от небольшого числа людей и все более усложнявшейся системы распределения.

---

<sup>20</sup> Всемирный халифат – концепция единого исламского мирового правительства.

Любая крупная катастрофа, настаивал Роулз, будь то вспышка заразной болезни, ядерная атака или экономический коллапс, может легко привести к тому, что люди решат не идти утром на работу, и, следовательно, полки «Уолмарта»<sup>21</sup> не будут укомплектованы, а грузовики доставки останутся на своих парковках.

Среднестатистическая американская семья, отмечал он, обеспечена едой менее чем на неделю. Автор рисует сценарий, при котором цепочка поставок рушится, и внезапно орды «Джо-шесть-банок»<sup>22</sup> – презрительный термин Роулза для неподготовленных отцов семейств из пригородов – бросаются в рушащийся мир в поисках еды и других припасов для своих семей.

Трудно не заметить отчетливую нотку удовольствия в описываемом сценарии, когда эти «Джо-шесть-банок» внезапно пробуждаются после долгой спячки в безопасности и комфорте и начинают приспосабливаться к суровой реальности КСКОЕ (Конец Света как он есть): «Электросеть отключена, его работа – уже история, в туалете не смывается, и вода больше не льется волшебным образом из крана. Его жена и дети в панике. Полки супермаркетов пусты. В городе начинаются беспорядки. На местных заправах закончился бензин. Банки закрылись. И тут он впадает в отчаяние».

Результатом такой ситуации, по Роулзу, становится крах не только национального государства и экономики, но и самой цивилизации, системы отношений между индивидами, которая всегда была чрезвычайно уязвимой и основывалась на массовом заблуждении относительно истинной природы мира.

Вы увидите повсеместное мародерство, людей, воруящих еду и припасы у своих соседей, массовое насилие, полное нарушение закона и порядка. Поначалу средоточием хаоса будут города, где отчаявшиеся горожане станут разорять рестораны и магазины. Но затем, по мере того как источники пищи вблизи от дома начнут иссякать, эти люди неизбежно отправятся в провинцию в поисках пропитания для своих семей. Многие из них сформируют вооруженные банды, предсказывает автор, и будут заправлять автомобили ворованным бензином. Эти мародеры в конце концов погибнут из-за какого-нибудь гриппа или отравления свинцом, но не раньше чем натворят бед, предупреждает Роулз.

Такое видение будущего может предложить только тот, кто в первую очередь никогда не поддерживал саму идею общества. Мне казалось, что эта позиция лежит в основе всего, что я узнал о препперах, и во всем, чем Роулз хотел поделиться со своими читателями. То, что он предлагал, было не столько предсказанием будущего, сколько глубоко политической интерпретацией настоящего. Один отрывок, как мне показалось, хорошо раскрывает суть идеологического неприятия, заложенного в движении препперов: «Наше общество несет на себе очень тонкий слой цивилизованности, – пишет Роулз. – То, что находится под ним, лишено всякой привлекательности, и не требуется много усилий, чтобы весь этот лоск слетел. Возьмите среднестатистического горожанина или жителя пригорода, дайте ему замерзнуть, промокнуть, устать, лишите еды и питья, заберите у него телевизор, пиво, наркотики и прочие погрешности, и вы увидите, как проявится его нутро дикаря».

Сказанное указывало на полное отсутствие желания самого Роулза участвовать в жизни общества, фигурой дикаря он сказал больше, чем, вероятно, намеревался сказать.

---

<sup>21</sup> Уолмарт – американская компания, управляющая крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли, действующей под торговой маркой Walmart. Штаб-квартира находится в Бентонвилле, штат Арканзас.

<sup>22</sup> «Джо-шесть-банок» (англ., сленг Joe Six Packs) – быдло, интеллект «на шесть банок пива» (в упаковке пива в США обычно шесть банок), лох, парень, который не хватает звезд с неба, посредственность, простой парень, человек из рабочей среды, чмо.

Мне всегда казалось очевидным, что как группа препперы постоянно эксплуатировали и поддерживали эскапистскую фантазию о возвращении к Американскому фронтиру<sup>23</sup> – к идеалу сурового и уверенного в себе белого человека, обеспечивающего себя и свою семью, выживающего вопреки всему во враждебной и дикой местности.

Слово «дикарь» здесь явно показывало, что корни этой реакционной горячечной мечты лежат не в каком-то реальном понимании настоящего или будущего, а, скорее, в глубинах исторической травмы первоначального апокалипсиса Америки: дегуманизации и почти полного уничтожения коренных народов и их культур.

И когда такие препперы, как Роулз, вызвали призрак дикаря, они тем самым создавали разрыв между собой как носителями факела цивилизации и наследниками духа фронта и теми, кто тут же скатится к своему естественному состоянию – дикарей-туземцев постапокалиптического мира. Установив этот разрыв, препперы, сознательно или нет, создавали необходимые условия для возвращения к очищающему насилию колониального прошлого нации.

---

<sup>23</sup> Американский фронтир (*от англ. frontier*) – граница между освоенными и неосвоенными поселенцами землями. В истории и литературоведении – понятие, обозначающее эпоху освоения свободных земель на Западе США (до 1890 г.). В художественной литературе ему соответствуют мотивы «открытой дороги», «пионерства», героического покорения природы, борьбы с индейцами. Американский фронтир ассоциируется с лозунгом «Свободные люди на свободной земле». С самого начала фронтир рассматривали как некую «землю надежды», где все, кто хотел, могли обрести ту самую свободу, о которой многие в то время мечтали.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.